

«МЕНЯ ИНТЕРНИРОВАЛИ...»

ГЕННАДИЙ ЕФИМОЧКИН ВСПОМИНАЕТ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Как и многие москвичи, коротаю время в самоизоляции. Вспоминаю войну. Застала она меня в деревне Хатоже Смоленской области...

К БАБУШКЕ В ДЕРЕВНЮ

В 1941 году я окончил 2-й класс 606-й московской школы. Она и сейчас существует как строение, а школы самой уже нет. И бабушка моя, Анна Петровна, Ефимочкина её фамилия, приехала к нам в Москву, привезла яйца, топленое масло, сало — поддерживать нас деревенскими продуктами. И потом договорились так, чтобы я уехал в деревню к ней на всё лето.

Мы приехали в деревню, нас встречал дед Родион. Прошло два дня, и объявили войну. Никто этого не ожидал, конечно.

Сначала вроде не очень заметно, а потом начали мобилизацию, начали в армию лошадей забирать, половину лошадей примерно. А потом стали иногда появляться самолёты. Сначала появлялись самолёты с дыркой в середине, все смотрели, и я тоже смотрел. Все удивлялись, почему с дыркой? Ну, думали, что это пробили ему, и образовалась в середине дырка. Потом разъяснилось: нет, это такой самолёт, разведывательный.

Через какое-то время, под осень уже, у нас в деревне решили делать окопы противотанковые. И много сотен людей жило в деревне, окопчиками их звали. Жили они в сараях. Это, видимо, московские какие-то люди были. Вырыли они противотанковый ров огромный, он и после войны был, его не заделали.

И вдруг как-то днём прилетел самолёт (низко летел) и начал выбрасывать листовки. Они сыпались, белье, летят, красиво... Я собрал кучу этих немецких листовочек и прибежал домой. Бабка с дедом интересуются, что такое, что принёс? Сели, надели очки. Я был не менее грамотный, чем они. Начали по слогам читать. И там было написано, что в такое-то число в такое-то время "будем бомбить вас". Тут, конечно, дед выругнулся: мол, что такое?

И только мы прочли это заявление, что "будем бомбить", как тряхнуло где-то, дом задрожал весь, всё посыпалось, окна зазвенели... Мы выскочили из дома, а в это время летит самолёт двухмоторный. Только забежали за угол дома, а он уже над домом повис, и из него такая капля выпала, с воем. Дед немножко быстрее убежал, а мы с бабкой подзадержались. И в это время как чухнуло, поднялся столп земли огромный! А там брёвна лежали большие, хотели делать новую избу. Так эти брёвна поднялись как спички в небо! А потом что-то падало... Я кричу: "Бабка, ты жива?" Она говорит: "Жива-жива!" А дед уже отвалил далеко, метров за 50. Вот началась война, реальная война. Вот мы теперь узнали... А он летит, строчит из пулемёта, и вот капает помаленечку то тут, то там...

"НЕМЦЫ!"

После этой бомбёжки уже дома не решились ночевать. А до этого деды наши вырыли себе ямы в конце огорода, около кладбища. Там песок был, и они в этом песке вырыли такие бункеры. И мы ночевали в этом бункере, домой не возвращались. Потому что мало ли что, боялись.

А утром я встал рано, ещё рассвет был. А у нас рядом железная дорога проходила, на станции Бетлица. И там уходил поезд последний, и ему вдолгую транслирующими пулями, видимо, из пулемёта крупнокалиберного, летели огоньки. И он ушёл, последний советский состав...

Самое страшное слово было, конечно, "немцы". И вот в это же утро кто-то прибежал и сказал: "Немцы!" И это слово так по шкуре прошло, мне даже сейчас как-то нехорошо делается. Это страшное слово такое. Более страшного слова, чем "немцы", нельзя было тогда представить. И действительно, вначале заехали на мотоциклах, посмотрели и исчезли.

А потом стали заезжать уже воинские части. И мы вернулись к своему дому. Около нашего дома была огромнейшая воронка от этой бомбы. Бомба была фугасная — тонная! Зачем она такая большая, неизвестно. Воронка была больше, чем дом! И сами немцы, которые проходили, смотрели, радовались этой воронке, фотографировали её.

Немцы двигались трое суток, причём бронетехники не было, а были автомобили и обозы. Здоровенные лошади, бесхвостые, таскали огромные фуры. Вот так началась эта оккупация.

Фронт находился в 18 километрах от нашей деревни. В городке маленьком, Кирове, были советские войска, а рядом — в деревне Желтоушка — были уже немцы. Там два километра разницы. Линия фронта продолжала держаться в течение двух лет, до осени 1943 года.

Сначала, когда немцы прошли, наступило затишье: никого не было, ни немцев, ни наших. Потом опять появились немцы, администрацию назначили, старост. Должен сказать, что в деревне было два старосты. Я их хорошо помню, знаю имена их. И после войны с ними ничего не случилось, их никто не посадили, не репрессировали. Они, как были, так и остались советскими хорошими людьми. А кое-кто другой после войны получил большие сроки. Значит, за старостами не было никаких проступков.

Потом, где-то зимой (это, видимо, было связано с Подмоховской битвой), в деревню приехали разведчики наши на лошадях, три человека. И собрали вроде митинга в центре деревни, это недалеко от нашего дома. И сказали, что завтра придёт советская армия. И вот прошёл следующий день — нет, никого нет, советская армия не пришла. Второй, третий, пятый, десятый... Советская армия не пришла! А потом опять пришли немцы.

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

У нас в связи с тем, что были эти окопы, и предполагалось, что тут будет линия фронта, весь лес был заполнен боеприпасами: лежали пирамиды мин, гранат ("лимонки", "толкучек") и всякого нашего оружия. Естественно, что ребятишки стали этим очень сильно интересоваться. А те, кто был постарше, кому лет 14-15, — эти решили, что они, конечно, уже войны настоящие: обрядились в патронташи крест-накрест, повесили гранаты, ходят такие бравые. И вот в один из таких дней вдруг кто-то вбежал и закричал: "Немцы!" Опять немцы... То есть карательная экспедиция пришла. Это делалось, как бы сказать, регулярно. Вдруг шли люди в белом, на лошадях. В основном это были финны.

Так вот, в этот момент, когда наши ребятишки обрядились, оружием обвешались, пришли немцы. И что получились? У моего деда был брат родной, дед Иваник. У него в доме сидели такие ребята, в других домах тоже сидели. И когда шум прошёл, что немцы, все заволновались и кто куда. У деда Иваника выволокли из дома этих ребятишек.

Один упал, стал каяться, а второй просто стоял. Тут народ был деревенский, и я сбoku. У немцев ружья были, не автоматы. И вдруг этот парень, который стоял (он был раздетый, его выволокли из дома, из тепла), вдруг побежал! Стал убегать, а ведь зима, сугробы. Он побежал неожиданно для всех, и немцы тоже растерялись. Потом они очухались и вскинули ружья. Втроём стреляли одновременно в него, бегу-

щего. Ну, сколько он мог убежать? 15-20 метров, может, 25... Они выстрелили... и не попали! Вот было чудо! Он дальше бежал, они опять выстрелили — опять не попали! И так несколько раз они не попали. И он уже убежал далеко, на пригорок. Потом ещё раз выстрелили, и он упал. Они опустили ружья, значит, убили. А он подскочил и опять побежал. Поднялся на пригорок, за загородку и исчез. Это был такой пример, человек себя спас в безвыходном положении! А этого застрелили, который тут о помощи просил.

В этот день было застрелено ещё несколько человек, в других местах. Когда всё это кончилось, немцы ушли, а в деревне осталась эта эпопея — похороны, вой... Вот это вздрючка была страшная...

А через некоторое время пришла воинская часть, штабная. Для генерала выкопали огромный оборудованный бункер. В нашем доме поселились немцы, несколько человек, а нас соселили с соседями. Нас 10 человек, комната одна и печка.

Всю молодёжь, кого не застрелили, заставили работать. Каждое утро они шли на конюшню, и там, что им говорили, то они и делали.

"ЭВАКУАЦИЯ"

В 1943 году началась подвигка на фронте. Немцы объявили нам "эвакуацию". Мы поехали на телеге, но на телеге сидеть нельзя, поэтому я шёл пешком, и взрослые тоже шли пешком. Мы доехали до деревни Чёрной, это за Десной. Река Десна была от нас в 30-ти километрах.

Нас поселили в чей-то дом. Там располагалась ещё власовская часть, в этой деревне. Власовцы не касались к нам, в нашей деревне их не было. Но там они были уже как воинское формирование. И тут случилось что-то непонятное: вдруг такой колоссальный взрыв произошёл, до самого зенита. Власовцы забежали туда-сюда, начали к чему-то готовиться. Через несколько дней это утихломирлось, и нас вернули опять в деревню нашу.

Потом осенью снова "эвакуация", новая волна. Мы проехали 15 километров до Малой Лутны. И там выяснилось про тот взрыв. Оказалось, что на станции стояли одновременно три состава: с боеприпасами, продуктами и нефтепродуктами. И наш товарищ, который летел на самолёте, бросил что-то и попал именно в это место. И загорелось всё, начали рваться боеприпасы. От станции ничего не осталось, просто равнина.

Мимо станции этой двигались мы дальше. Тут и обозники были, ребята наши деревенские. Один из них, Митька, говорит: "Что ты идёшь? Садись со мной на телегу, вдвоём веселее!". И я сел к нему на телегу, точнее, на немецкую фуру. Вдруг в каком-то месте произошёл затор: танки немские сгрудились. Я в первый раз видел танки.

Так мы добрались до города Рославля. А потом немцы говорят мне: "Тебе нечего ехать на этой фуре. Ты, давай, на телеге!" И поехал я на телеге один и стал руководить лошадьми, но не немецкими, а нашими, деревенскими.

Вот таким образом доехали до города Рогачёва. Это в Белоруссии, на Днепре. Весь обоз, вся воинская часть и половина деревни, в том числе все наши ребята, и я в том числе. Километров в трёх-пяти от города остановилась вся эта армада. Уже был ноябрь. Дней через десять воинскую часть с нашими ребятами, с лошадьми и прочим погрузили в товарняк, и поехали на запад. И я оказался в этом числе. Вот как я попал в эту передерья. И когда потом полковник меня спрашивал, как ему сказать? Надо было вот это всё рассказывать, тогда можно понять, а так трудно понять...

ПО ЕВРОПЕ

Мы двигались с остановками, какие-то были неполадки на железной дороге. Короче говоря, состав добрался до севера Франции. Выгрузились, а потом опять на этих же телегах двигались, горы были какие-то... Нас поселили во французском доме. И у нас были нары внизу и вверх. Все наши, человек, наверное, двадцать были ребята. По дороге присосиделись к нам ещё трое. Один татарин, один москвич, один с Алтая человек, пожилой, его уже стариком считали. Это бывшие солдаты, попадавшие в плен. Татарин оказался человеком с орденами, у него был орден Красного знамени. И он нам его показывал, он где-то прятал его в тряпочках. И к нему отосилился как серьёзному человеку. Но самое интересное, что он не исчез никогда, этот татарин. Значит, никто его не заложил, я так понимаю.

А потом решили, что меня надо удалить из воинской части. И отвезли меня в Эрхольхайм. Это было что-то вроде дома отдыха: особняк, огромные пространства, огромные залы. Моя работа была мыть посуду. Мне объяснили, как посуду мыть, вытирать, не прикасаясь руками, чтобы это всё было стерильно и так далее. Три месяца прожил я в этом доме в этой роли.

Кстати, там работали девушки украинские, по хозяйству. А в городе Дрездене я в первый раз увидел людей со знаком "ОСТ" на груди. "ОСТ" — это значит советский, восточный. Я так удивился, но был такой знак.

Через некоторое время приехал солдат Хохойзер, забрал меня из этого дома отдыха и отплат привёз в ту воинскую часть на север Франции. Я обрадовался, тут все наши гаврики... Какое-то время прошло, и мне капитан Гартман говорит, что здесь скоро начнётся большая война, и "давай я тебя отвезу в Германию, к своим родственникам". И вот так случилось, что весной 1944 года он уезжал в отпуск, и меня взял.

Рано утром мы приехали в Париж, целый день там околичались, ходили по каким-то домам, потом в ресторан. Кому-то мы что-то передавали, не знаю, что это такое было, и с кем он встречался, тоже не знаю. Но он встречался с гражданскими французами: открывается дверь, что-то отдаёт, мерси, и мы уходим.

У МЯСНИКА МАЙЕРА

Наконец, меня отвезли в Германию, и я оказался в Эбсдорфе у Георга Майера. Это был дед с одним глазом. В молодости был ему выколот глаз. Он — мясник, у него бойня, маленькая, но бойня. На этой бойне работал Иван, украинец, здоровенный мужик. Мы с ним жили в одном помещении, на крыше. Комната поделена пополам, получается откос и стена. Где откос — моя половина была, а где стена — Ивана. Там бочка и таз с водой — всё наше имущество. Распорядок такой, что я должен им помогать по хозяйству. Во-первых, там оказались лошади. Потом там оказались овца, которую я должен был доить каждый день. Лошадь жила в стойле, как обычно, и овца рядом. Весь сарай был забит крысами. Как только я входил, закигал свет, крыс невероятное множество.

Каждую неделю привозили свинью, телёнка, быка, корову и ещё каких-то пару свиней поменьше. Наша обязанность — забить и превратить всё это в продукцию. Дед этим делом руководил, всё делалось на плечах Ивана, конечно, а я тут сбоку-припёку, подта-

скиваю одно, другое... Мне поручали свежевать телят и зайцев. Кроме того, на мне ещё были кроглики, цепое хозяйство кроликов.

Когда Гартман уезжал, он договорился с директором школы, а это был его приятель, что я буду ходить в школу, до обеда, три часа. В школе я ничего не делал, только сидел и слушал. Утром я должен был вычистить всем ботинки и идти в школу. После школы включался в депа по хозяйству. Если был забой, то в забое участвовал. Там были всякие разные эпизоды, жуткие сцены...

Короче говоря, я пробыл там больше года. Освоил немецкий и был переводчиком у этого Ивана, который кроме слова "никс", не мог ничего запомнить. Слово "никс" — это отрицание. Он разводил руками, поднимал плечи вверх и говорил: "Никс!" И когда что-то происходило, дед говорил мне, а я ему говорил.

АНГЛО-АМЕРИКАНЦЫ

3-го числа мая пришёл приказ немцам эвакуироваться. Уже начали телегу нагружать на кривого коняку, и хоть мне было 12 лет, но я думал: "Куда они поедут?! Ехать-то некуда!" Линия фронта тут, с одной стороны, рукой подать. А с этой стороны наши уже припёрли к самой Эльбе, 26 километров до Эльбы было. Возобладал, видимо, то ли разум, то ли, не знаю, что, но отменили это. Уже гружёную телегу начали разгружать.

И в это время вот что случилось: там, рядом, были огромные склады военно-воздушных сил немецких, и их начали грабить, разбирать. И все туда ринулись на лошадях. И мы с Иваном запрягли нашего коняку и поехали туда. Это огромные бараки, параллельные, по принципу концлагеря, целый город. А там меховые куртки, меховые штаны, сапоги меховые с электроподогревом, ботинок миллион штук, парашютистских, на подмётке плоской, свитера... Ну, в общем, целую телегу привезли имущества. Причём мы были, немцы были, поляки, французы — все сбегались.

А потом пришли англичане. Было несколько взрывов, убили корову у кого-то, и мы ездили корову эту свежевать. Потом повесили приказ: "Всё награбленное сдать войскам британско-американским". Не знаю, как это всё кончилось, в какой степени. А потом был приказ всем иноземцам собраться там-то. Я рюкзаком нагрузил вот этим драгоценным барахлом и пошёл на сборный пункт.

С Иваном произошло вот что. В соседней деревне он обнаружил женщину с ребёнком, видимо, украинку тоже, и решил куда-то не возвращаться. Он мне как-то рассказывал, что однажды они у себя, в селении своём, выследили лётчика нашего и сдали немцам. Мне это очень не понравилось, казалось это безобразным. О других каких-то преступлениях он не рассказывал, но вот этот эпизод был. И он мне сказал, что завербует с этой тёткой и её дочерью. Сначала они хотели в Бельгию отвалить, а потом в Аргентину махануть — мол, такие люди, как он, везде нужны, он здоровый.

В ЛАГЕРЯХ

Короче говоря, пришёл я на сборный пункт с рюкзаком и сумкой. Там уже была машина "Студебеккер", какие-то люди. Погрузили нас и отправили, как потом выяснилось, в Берген-Бельзен, знаменитый лагерь концентрационный.

Провёл я месяц с небольшим в этом Берген-Бельзене. Американцы нас кормили хлебом, мясом в банках. И все ревалось домой. Но вот что там было: англичане или американцы (или это их совместная была власть) обрядили наших молодых людей в военную форму. Ребятам по 20 лет уже стало, они попали, как война началась, по 16 было, а сейчас уже 20. Они уже военнообязанные, уже мужики. Им дали военную форму. Кто лейтенант, кто младший лейтенант, кто капитан, был даже майор один. Новая абсолютно форма, золотые погоны, всё такое чистое, опрятное, и выглядели они очень хорошо.

И вот вся эта публика и я погрузились опять в машины и отправились в город Лüneбург. Нам вручили всем подарки, такие ящички. В ящичке был шоколад, папиросы и вино. Я обменял всё это на шоколад, у меня был целый ящик шоколада. Дальше нас погрузили опять на эти же "Студебеккеры", и мы двинулись в сторону Советского Союза. К реке Эльбе. И всю дорогу я жрал этот шоколад. Как не отравиться, не знаю... Но это был последний случай, с шоколадом, долго а потом его не видел.

Короче говоря, мы переправились через Эльбу, нас встречают уже наши воины, нас выстраивают в шеренгу. Большая шеренга, народ много. И начинаются мордобой небольшой. Все офицеров быют по рожке и говорят: "Предатели!". И срыувают с них погоны. Вот такая была встреча этих рыженьких.

Прошло какое-то небольшое время, нас погрузили в вагоны. Мы двигались через Берлин. Я ехал на крыше (это было самое любимое моё место), и наблюдал Берлин с крыши. В Берлине мы стояли какое-то время — может быть, час, может быть, два. И Александрцпал я видел с этой крыши, видел Рейхстаг разрушенный.

Повезли нас дальше, а потом высадили, опять же выстроили, не менее тысячи человек. И команда "Вперёд!" А народ обвешан чемоданами, рюкзаками, мешками, попробуй двигаться в таком состоянии! У меня-то всё было при мне. Я напялил всё на себя и тут... А если у тебя два таких рюкзака и ещё три чемодана, что ты будешь делать? Ну, корячишься сначала, тащишь килограмм 70, а потом начинаешь отсев. По дороге, значит, это дело оставляют. Сзади едут фуры, складывают, и таким образом мы добираемся до нашего места.

Наше место — это сарай, немецкие. Никакие не специальные, а просто огромные старые сарай, ещё во время Первой мировой войны построенные. Там солома, больше ничего нет. Это фильтрационный лагерь, город Везенберг. Ничего там было не было, никаких страстей, и охраны тоже никакой не было. Кормили нас тем, что ловили в озере. Ну, сколько рыбы в озере? Чтобы прокормить такую ораву, я думаю, не так много. Вот эта рыба и хлеб немножко.

А потом был допрос. Начальник спрашивал, "как, что, как ты попал?" Ну, я ему объяснял...

Короче говоря, после этого лагеря сформировалась другая группа, другой эшелон, на работы. Всех, за кем что-то было обнаружено, отсылали. А нас отравили на сельхозработы. Меня, правда, сначала не брали, сказали, что я ещё не дорос. Тогда я разнылся, стал бегать, уговаривать. И начальник сказал: "Ладно, давай ему запишем два года, пусть он будет 30-го года рождения". И написали мне 30-й год рождения, а это уже значит работоспособный.

НА СЕЛЬХОЗРАБОТАХ

Мы поехали в Померанию. Обмолачивали, потом картошку убирали.

Меня определили дворником. Немецкий двор, огромный, как стадион "Динамо". Мне говорят: "Вот тебе метла, давай подметай тут, наводи порядок!" Я с метлой с этой хожу, вдруг приезжает "Студебеккер", выскакивает солдат, говорит: "Что ты тут делаешь?" "Да, вот, дали мне метлу, я теперь дворник..." "Брось ты эту метлу! Садись со мной, мне помогать будешь!" Я говорю: "Хорошо!" Солдат этот из Мо-

Народный художник России Геннадий Фёдорович Ефимочкин. Москва. 2020 год.

Ученик второго класса Гена Ефимочкин (в нижнем ряду в центре). Москва. 1941 год.

сквы оказался, ему всего 17 лет было. У него "Студебеккер", пара орденов и кучка медалей... И мы с ним как бы друзьями стали.

Я у него сижу в кабине, он несётся с возможно большой скоростью, а дорога такая, что свернуть-то нельзя, она же обсажена деревьями. Мы едем, нам грузят картошку, мы возьём картошку сдавать, потом опять едем за картошкой, опять сдавать и так далее.

А потом сказали, что всё, урожай собрали и можно двигаться в Советский Союз. Нас снова погрузили в "Студебеккеры", и мы большой колонной: машин, наверное, сорок, — двинулись через Польшу. А потом приехали в Волковыск, с него начинается советская часть. В Волковыске большой пересыльный лагерь. Тут теб не проверяют, а отправляют по месту жительства.

Места жительства у всех разные: кто из Одессы, кто из Киева, кто из Смоленска, кто из Калужской области и так далее. Набирается энное количество народа, формируется вагон, и отправляют их туда, куда им надо.

Я один остался, не было москвичей. Вагона москвичей было, я один был!

Я там находился долго, ждал... Как-то наткнулся на газету, на стене висит газета, по-моему, "Правда". И там сфотографирована улица Горького и сказано, что вот на улице Горького строится дом, и туда немецкие мраморы или что-то такое привозилоти. И кто-то там с мастерком. В общем, сцена такая. Я как посмотрел на это, думаю: "Что же я тут-то сижу, там строится, а я тут всё ерундой занимаюсь!" Думаю, надо как-то рвать в Москву. Поговорил там с народом, они говорят: "А что ты, купи билет, да поезжай!"

Я собрал все остатки, какие у меня были, пошёл на Волковский базар и всё, что у меня было, продал. Вытаскивал какую-то тряпку, подымал, и тут же находился покупатель, давал мне сколько-то рублей. Я деньги в карман. А потом мне кто-то: "Слушай, что ты рот разинул, у тебя из кармана тащат деньги!" Стал я за карманом присматривать. Распродав всё, и у меня оказалось денег на билет и даже ещё немножко.

ПОЕЗД В МОСКВУ

Я пошёл, купил билет на поезд. Прямого поезда нет, надо ехать с пересадкой. Имущества у меня уже нет, только рюкзачок. В рюкзачке у меня коньки, штаны короткие, шапка лётчицкая, для парашютистов, и кальсоны в полоску, лагерные. Ещё котелок и фляжка. Вот всё имущество, килограмма три-четыре.

Пришёл я садиться, а к вагону подойти невозможно! Народ оккупировал всю территорию. Как я ни рыпался, ничего не получається. Что делать? Билет у меня в руке, а что я с этим билетом? Я туда-сюда побежал, и ни в один вагон воткнуть нельзя. Стоит паровоз, к нашему составу прицепленный, паровоз пустой, никого в нём нет. Думаю: "Надо в паровоз залезть!" Залез в паровоз, в тендер, где уголь, притаился.

Через какое-то время приходят мужики и несколько баб с мешками. И баб — туда, ко мне. Меня обнаружили: "А ты?...". Я им говорю: "Да, вот, у меня и билет есть..." "Нет, не положено!" Но бабы в меня вцепились, говорят: "Оставьте, пусть он..." Короче говоря, бабы меня спасли. Оставили меня в угольном отсеке, и мы поехали.

Под утро машинист говорит: "Иди в вагон свой". А народу уже почти нет в вагоне, пустой состав идёт. Доехал до конечной станции, а там надо пересадку делать на Брестский поезд. Брестский поезд идёт к вечеру ближе. Я опять в кассу, закомпостировать билет, деньги ещё были, жду этого поезда. Поезд приходит, "Брест — Москва". Ну, это уже совсем другое дело! Я к своему вагону подхожу, за ручку хватаюсь, на подножку ногу ставлю... Мне проводник говорит: "Ты что?" "Да, вот, у меня билет..." "Мест нет!" Я лезу, а он меня спихивает: "Нет мест!"

Вижу, что мне не пробраться в вагон. А там уже, вижу, вышли в погонах, такие радостные люди! Я думаю: "Ну, как же быть?" Оббежал сзади состав, смотрю — можно залезть на крышу, там есть, за что зацепиться. Я залезаю на крышу, рядом бегут солдаты, и тоже лезут на эту же крышу. Залезли мы и легли поперёк, я с солдатами вместе, и ждём, чтобы милиция нас не прихватила, чтобы поезд отправлялся. Поезд загудел, и мы тронулись... Всё! Слава Богу! Отправлились...

На крыше с солдатами лежим, а ведь это ноябрь-месяц, уже мороз. Среди ночи я проспаюсь, поезд стоит, солдаты что-то заволновались. Я говорю: "Что такое?" "Мы сходим", — они говорят. "А где мы находимся?" "Минск". Короче говоря, я сооробизал, слез с крыши, пошёл на вокзал. На вокзале тепло, а на улице уже минусовая температура, да, ещё на крыше, на ходу, а одет-то я не в шубу. Короче говоря, залез под лавку и переночевал там до утра.

А утром опять со своим билетом в кассу, опять компостировать. "Минск — Москва" идёт поезд. Уже я учёный, думаю, нет, ждть не буду. Вылез на платформу, поезд подает, я на ходу залез в свой вагон. Ещё никого народу нет, забрался на третью полку. Опять набилось народу, и в проходах, и везде, и поехали. Приехали, утро, часов 10. "Где мы?" Музыка гремит вовсю! Мы в Смоленске. Парад на Красной площади демонстрируют по всем точкам, веселье такое, радость, прекрасно!

ДОМА!

Дальше едем. Приезжаем в Москву ночью. Вылез на Белорусский вокзал, кругом темно. Только в одном месте свет, впереди слева. Я думаю: "Куда же двигаться-то?" Не понимаю, где я нахожусь и куда мне направляться. Пошёл на свет, это оказалась улица Горького. Я пошёл по ней, потом поворачивал, дошёл до Красного вокзала.

Утром идут люди на работу, идёт какая-то тётка. Я ей говорю: "Как мне до Марьиной роци добраться?" "Да вот трамвай идёт..." Назвала мне номер. Я сел в трамвай, смотрю в окна, как да что. Вид у меня, конечно, экзотический. Доехал до Марьинского Мосторка, здесь круг был. Когда я увидел Мосторк, тут я всё узнал! Я вышел, повернул налево, Шереметьевская улица, бульвар в середине. Иду, а бульвар располанный — окопы.

Поворачиваю в свой 7-й проезд. Дошёл до угла 2-й улицы, смотрю, а там дома нет... Дом сгорел. Такой же, как наш примерно был, двухэтажный деревянный. Я думаю: "А что если и моего нет?" Иду дальше. Смотрю, вроде дома нет... Потом смотрю — да нет, вот он же стоит! Дом стоит, остатки от ворот какие-то, а ворот-то как таковых нет.

Захожу во двор... Тётя Ариша выходит — такая, какая была пять лет назад, никакой перемены. Я говорю: "Тётя Ариша, здравствуй!" Она говорит: "А ты кто?" "Да я — бабкин внук!" Она как ринулась на второй этаж, оповестила. Я только туда пришёл, а там уже переполно: "Внук объявился!" Я вошёл в комнату. Бабка тоже не изменилась моя, Матрёна Матвеевна. И бабка спрашивает: "Где внук? Внук-то где?" А я стою. Она говорит: "Ходит тут всякие! Того и гляди, галоси сопрут!" А ей говорят: "Да вот внук!" А я уже дружок совсем человек...

Тут мать прибежала, вся растрёпанная, в слезах, никаких у неё сомнений не было... Потом от бабки пошла к себе домой, в наш дом. У нас же два дома: дом №3 и №2. Один во дворе, один с улицы. А там отец приехал, погоны у него новенькие. Он говорит: "Как ты приехал?" "Да вот приехал поездом из Минска". А он говорит: "А я вчера приехал поездом "Брест — Москва". Это на том, на котором я на крыше ехал!

Вот так мы и закончили этот поход...

Подписной индекс газеты "ЗАВТРА" — 32525 в Объединенном каталоге "Пресса России"

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.

E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru/>

Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 17 600

Заказ № 1347-2020

Дата выхода в свет — 29.04.2020 г. Подписано в печать 28.04.2020 г. в 15.00, по графику — в 15.00

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ